

Назарова Ольга

Красивая
дочь, ружьё,
лопата,
алиби

У МЕНЯ ЕСТЬ
КРАСИВАЯ
ДОЧЬ

АТОШЕ

РУЖЬЕ
ЛОПАТА
И АЛИБИ

Миры "Убежища"

Ольга Назарова

Красивая дочь, ружьё, лопата, алиби

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70135234

SelfPub; 2023

Аннотация

Как быть полковнику Потапову, если у него есть очень красивая дочь, за которой постоянно и весьма настойчиво пытаются ухлёстывать не очень-то подходящие мужчины? Михаил Иванович Потапов решил этот вопрос по-своему – завёл алабая Бука, ротвейлера Тополя, а потом выдрессировал их и кота Шарика на оказание активного сопротивления незванным гостям. А ещё он взял на вооружение формулу: «У меня есть красивая дочь, ружьё, лопата и алиби». А что делать его дочери, если она более чем уверена, что все мужчины, не дающие ей прохода, видят только её внешность? Им наплевать, какая она на самом-то деле, чего она хочет, о чём мечтает, чем живёт. Как её распознать человека, который захочет быть с ней не ради красивой картинки, а ради неё самой? Может быть, общаться так, чтобы её лица и фигуры не было видно? Так она и сделала. Только вот, чему же приведёт этот метод Царевны-Лягушки?

Содержание

Глава 1. Красивая дочь, ружьё, лопата и алиби	4
Глава 2 Никто! Идите никуда	10
Глава 3. Небестолковый и не болван	20
Глава 4. Офелия Потапова	37
Глава 5. Не спеши, а то, как успеешь	48
Глава 6. Самое главное условие	59
Глава 7. Незнакомая жена	71
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Ольга Назарова

Красивая дочь, ружьё, лопата, алиби

Глава 1. Красивая дочь, ружьё, лопата и алиби

Михаил Иванович хмуро и строго поднял брови и покопился на жену.

– Да, так вполне достаточно! Если ты ещё более грозно будешь выглядеть, мальчик может потерять сознание, и от него придётся избавляться с помощью грузчиков, – остерегла его супруга.

– Да зачем мне грузчики? Я и сам могу! – Михаил Иванович Потапов выглядел так, что мог и без столь грозного выражения лица сбивать мимо пролетающих ворон, если они слишком громко каркали и мешали его семье.

– Можешь! Но ты можешь только через забор... а там юноша subtilный, поломаётся ещё! – рассудительно объяснила его жена. За двадцать лет замужества она отлично научилась подбирать правильные доводы, чтобы как-то примирять мужа с окружающей его действительностью.

А, с другой стороны, что ей ещё оставалось? Она отлично знала, на какую судьбу себя обрекает! Все подружки отметились, пророча, что она сильно пожалеет, связавшись со здоровенным и очень хмурым выпускником военного вуза Потаповым.

– Надь, ты с ума сошла? Зачем тебе этот нищий медведь? Он же военный! Ну, что, потом уволится из армии и охранником устроится, да? Будет на твоей шее сидеть? Ты же любого можешь выбрать – вон, смотри, Костик на тебя глаз положил. У него родаки крутые. Да и Лёха на свидания зовёт – он сам точки на рынке имеет, а ты вцепилась в этого...

Надежда наплевала на подруг, Костика с родителями, Лёху с точками на рынке и все эти двадцать лет была женой «медведя» Потапова, который вовсе из армии не уволился, а стал полковником и преподавателем того самого вуза, который когда-то закончил! Да, между окончанием и нынешним положением Потапова много чего было, тяжелого, сложного, а то и опасного, но Надя ни разу не пожалела о том, что не выбрала кого-то другого, а сам Потапов всегда точно знал, ради кого он вылезет из любой передраги, если это вообще будет возможно!

Сегодняшний разговор супругов был, в принципе, вполне обыденным. Речь шла об ухажёре их единственной дочери.

– Ну, Надькаааа, какая Верочка стала красавица! – примерно так ахали Надины знакомые и коллеги, когда видели её дочь. Лет с шестнадцати Вера, переросшая лишний вес,

прыщи, некую детскую неуклюжесть и неуверенность, выросла в такую красавицу, что Потапов запретил ей бегать к нему на работу.

– Нам нормальные офицеры нужны, а не окосевшие и со свёрнутыми шеями! – ворчал он. – Эти паразиты ещё и караулить начали! Знают, по каким дням ты меня приходишь встречать с работы, да так и клубятся у входа.

Он, как человек дальновидный, проблемы предвидел, поэтому загодя, ещё в период веса-прыщей-неуклюжести и всего прочего, привёл Веру на занятия к своему приятелю.

– Самбо! То, что нужно! – авторитетно заявил Потапов.

– А, может, что-то полегче? – немного переживала Надя.

– Надюш, полегче – это не про нас... Троянской войны могло бы и не быть, если бы Елена стукнула в нос Парису и спустила бы его с лестницы... А если бы ещё и об колонну приложила, то и вовсе правильно было бы – столько народу осталось цело и невредимо! Ты ощущаешь нашу ответственность перед миром? Что та Елена по сравнению с нашей Веркой?

Надя вздыхала... Елены Прекрасной она, конечно, не видела, зато дочь лицезрела ежедневно. Её ухажеров тоже.

Нет, Вера вовсе не была легкомысленной. Куда там... с таким-то воспитанием! Но симпатизирующие, влюблённые, очень сильно влюбленные, а также контуженные на всю голову типы сопровождали её постоянно.

Было несколько привычных персонажей – кто-то не пре-

кращал надеяться на внезапную благосклонность, кто-то мечтал переупрямить, кто-то уповал на метод измора, мечтая так намозолить глаза, что девушка сдастся.

Все постоянные поклонники провожали вновь прибывших снисходительным хмыканьем и сочувственными взглядами.

– Этот из новеньких – он ещё с Буком и Топом не встречался, да и Медведя не видал, – сообщали они друг другу при встрече, характеризуя очередного кандидата.

Бука полковник Потапов привёз из командировки.

– Друг подарил! – объяснил он жене, показывая толстого-претолстого пыхтящего щенка, занимающего почти всю немаленькую коробку.

Буквально через пару месяцев в их доме появился Топ – чёрный тощий щенок ротвейлера, принесенный плачущей Надеждой.

– Миш, его усыпить хотели! Говорят, что пятно белое на груди – выбраковка!

– Пусть сами себя того... пятно-пятно... это у него знак отличия! – решил полковник, присоединяя нового щенка к уже имеющемуся.

Через полгода после этого, когда Бук вытянулся до приличных размеров алабайского «тёлёнка», а Топ стремительно его догонял, становясь широкогрудым крупным ротвейлером, домой пришла Вера. Нет, вовсе она не плакала, ещё чего не хватало! Возможно, горячими слезами рыдал моло-

дой паразит, который брезгливо кинул в мусорный контейнер серого полосатого котёнка. Возможно... если уже сам выбрался из того же контейнера.

Ему бы бежать побыстрее, но он, глупое создание, решил поиздеваться над девушкой, которая, ни на секунду не задумавшись, вытянула выкинутого им котика из мусора, отряхнула его и, завернув в свой шарф, бережно укладывала за пазуху.

Что-то он даже в спину девчонки сказать успел... этакое едкое. Потом девушка повернулась к нему лицом, и следующими его эмоциями были изумление от внешности и... крайнее изумление от собственного перемещения в пространстве в направлении мусорных баков.

Так что домой Вера пришла в воинственном настроении, котёнка предъявила родителям и псам и потребовала срочно выдумать ему имя.

– Пап, Бук – это в честь Бука, Топ – в честь Тополя, я тебя только очень прошу, котёнка Буратино или Красухой не называй, ладно?

Примечание автора:

Полковник назвал собак в честь ракетных комплексов (Тополь и Бук), Буратино – это система залпового огня, а Красуха – семейство комплексов радиоэлектронной борьбы.

– Ну, какой же он Буратино... – протянул Потапов, – он вылитый Шарик! В честь Лошарика! – пояснил он жене и дочери.

Ещё одно примечание автора:

Лошарик – российская глубоководная атомная подводная лодка, названная в честь героя мультфильма.

Ни жена, ни дочь так и не смогли добиться от Потапова объяснений, чем именно котёнок напомнил полковнику подлодку, но имя пристало к полосатому тощему коту моментально, и стал он Шариком.

Глава 2 Никто! Идите никуда

Разговор супругов, с которого мы и начали с ними знакомиться, происходил на потаповской даче. Дача – это просто дом бабушки и деда Потаповых, которые оставили своему внуку такое наследство. Дом Михаил Иванович обожал, перебрал самолично по брёвнышку, максимально сохранив его дух. Зато забор был новым – высоким и добротным. Правда, для сублильного дочкиного ухажёра высоковатым – падать больно и травмоопасно!

– Миш, и чего ты переживаешь? Сейчас Вера проснётся и сама разберётся, куда это девать. – Надя кивнула на монитор камеры, где рябило это самое ухажёрко-опрометчивое создание... – Сам понимаешь, Бука или Топа такому даже показывать нельзя – потом не откачаем. А Вера его сама в узелок завяжет!

– Вот это я и опасуюсь! – прогудел Потапов. – Он такой хлипкий, что Верочка может ЭТО и пожалеть. Ну, как Шарика! О! Кстати, идея! Шааарик! Чужой! У нас чужой! ФАС!

Упитанный крупный котяра, крепко спящий на кресле и полностью занимавший всё его сидение, конечно же, не вскочил в готовности выполнять команду – он же не пёс, всё-таки. Нет, не вскочил, но сел, вопросительно прищурившись в сторону хозяина, словно уточняя – ему скомандовали, или показалось.

– Не показалось! Фас! Чужак! – подтвердил Михаил Иванович.

– Ну, как скажешь... – кот, не торопясь, спрыгнул с кресла и, помахивая хвостом, отправился к двери.

Шел он вроде как вальяжно, но вот дверь от удара мощной лапы распахнулась, словно по ней кулаком ударили.

– Миш, ты бы всё-таки двери закрывал, а то он так её сне-сёт! – пробормотала Надежда.

– А разница? – резонно уточнил Михаил Иванович. – Он же открывать умеет!

– Да, но если он повисает на ручке, дверь открывается более плавно...

– Тоже верно! – Михаил Иванович спорить по пустякам не любил.

Вместо споров, он отправился на второй этаж и подошёл к окну.

– Камера камерой, а самолично-то оно завсегда нагляднее! – объяснил Потапов супруге, следовавшей за ним.

Кот Шарик трусил по дорожке, постепенно набирая скорость. К воротам он добрался уже с приличным разбегом, но свернул с дорожки и пошёл прямо по стволу рябины, росшей у калитки.

– Правильно рассчитал! – одобрил полковник. – Нет, ты ж глянь, прямо спецназовец, а не кот! Забор форсировал с запасом.

Ухажёр тоскливо тыкал пальцем в смартфон, не зная, что

к нему приближается котозовозездие, а в доме скрипнула дверь, и родители узрели сонную Веру. В руках она держала смартфон, издающий противный гудящий звук.

– А вы чего это тут делаете?

– Как что? Проверяем качество дрессировки Шарика, – объяснил отец.

– Верунь, а это кто? – мама кивнула в сторону окна.

– Ааа, это? Никто! – Вера сердито скинула вызов настыр-ного ухажёра, неизвестно как заполучившего её номер, да ещё и прознавшего про дачу!

– Никто, идите никуда! – провозгласил Потапов, увидевший заключительную часть котопробега.

Шарик спрыгнул с дерева и с угрожающим рыком, абсолютно не вязавшимся с обликом кота, кинулся на незваного гостя. Распушившийся кот, став раза в два больше своего реального размера, подскочил к надоеде и чувствительно цапнул его под колено.

– Аааа! Ты чё? – это гость спросить успел, нет, он даже отпрыгнуть успел, брыкаясь, как дикий осёл, а дальше, сообразив, что кот не очень торопится, но настроен весьма серьёзно, рванул в сторону станции.

– Пссссиииих, брыыыыысь! – вопли затихали вдали, полковник одобрительно кивал головой им в такт, его жена отправилась достать Шарика что-нибудь в поощрение и благодарность, а Вера вписала номер, с которого только что был неотвеченный вызов как «Недогрызок Шарика» и внесла его

в чёрный список.

Трудно быть красивой... Нет, честно. Если ты не охотница, если абсолютно не собираешься идти к цели по головам, а хочешь спокойно учиться, нормально устроиться на работу и по любви, заметьте, обоюдной, выйти замуж и завести семью, вся клубящаяся вокруг суета с ухаживаниями мешает.

Нет, оно приятно, когда ты ощущаешь: да, тобой восхищаются. Но не постоянно же!

Вера старалась не выделяться: не использовала дополнительные средства типа боевой раскраски или походки от бедра, поясов, притворяющихся юбками, декольте, стремящихся к поясу, но, как назло, даже в сером мешковатом свитере и джинсах, с волосами, стянутыми в неприхотливый хвостик, внимание привлекала.

Пришлось научиться общаться с ухажёрами, удерживая их на вменяемом расстоянии, элегантно превращать влюблённость в приятельско-дружеские отношения, а с теми, кто этого не желал – использовать жёсткий игнор, или, если случай был совсем-совсем запущенный – прибегать к помощи отца.

Появление крупногабаритного Потапова за спиной очередного типа из серии «не выпендривайся, ты всё равно будешь моей», само по себе бывало весьма эффектным, а уж если папочка решал совместить приятное с полезным и выводил на прогулку Топа и Бука – эпохально-незабываемым! Самым убийственным методом был пристальный взгляд Ми-

хаила Ивановича, помноженный на людоедские прищурьы Топа и Буки, и его эпохальное высказывание:

– Знаю ли я, что у меня красавица-дочь? Ещё бы! Да, у меня есть красивая доченька, а ещё есть ружьё, лопата и алиби!

После этого желание всё-таки переубедить Веру в том, что она должна оценить именно его, у очередного кандидата испарялось, улетая ветерком в стратосферу, зато оставались волосы, вставшие на затылке дыбом, ощущение того, что он только что сумел избежать жуткой опасности и, для особо впечатлительных, ночные кошмары с гигантским медведем в форме полковника...

Правда, сегодняшний день отметился неким разнообразием – щуплому и настырному молодому человеку, которого здоровенный и похожий на разъярённого манула кот гнал до самой станции, снились не медведи, а подлые серые тигры, упорно нападающие и кусающие его за ноги.

– Девушка, а, девушка! А вашей маме зять не нужен? – вопрос задавался уже неоднократно одним из компании парней, ехавших с Верой в трамвае. Любопытствующий был смутно знаком – Вера видела его в институте.

– Маме – нет, она и без зятя хорошо справляется, а вот отцу зять очень даже пригодится. Он у меня борьбой любит заниматься, а партнёры по спаррингу, как назло, почему-то быстро заканчиваются, – наконец, флегматично ответила Вера.

– Нет, я серьёзно! – уверял её зытекандидат.

– Так и я тоже, – Вера вздохнула. – Честное слово.

Следующая реплика была вполне ожидаема:

– Я же вас теперь не смогу забыть, – он наклонился, пахнуло запахом спиртного.

– Сочувствую... меня вообще сложно найти, легко потерять и невозможно забыть, – согласилась Вера. – Так что лучше потеряйте меня, пожалуйста!

Она легко выскочила из трамвая как раз перед закрытием дверей, и, не оборачиваясь, нырнула в знакомый переулок. Ей и так нужно было тут выходить, но если бы не совсем трезвый тип это понял, то увязался бы следом. И как она не поняла, что он под хмельком?

– Теряю хватку, – невесело вздохнула Вера. – Я бы с ним вообще не заговорила, если бы весной в институте не видела... Ну, что я такая растяпа стала? Ненавижу жару! Сразу как подтаявшее мороженое становлюсь. А тут ещё и тот паразит!

Собственно, из-за паразита Вера и была расстроена. Сдав сессию, она решила, что хорошо бы на каникулах найти подработку, хотя родители её и отговаривали.

– Верушка, ты же учишься отлично, а это уже приличный труд. Надо уметь и отдыхать! – аргументировала мама.

Но ей так хотелось принести домой заработанные деньги, что она устроилась в организацию менеджером по продажам. Да, на самом деле, это название скрывало под собой обыкновенного продавца техники, но техника была знакома – как

раз по её профилю. Проконсультировать покупателей Вера могла запросто, а если бы у неё получилось, то можно было бы и дальше подрабатывать неполный день.

Не получилось...

И почему некоторые типы считают, что симпатичная девушка приходит работать исключительно для постельного карьерного роста? Почему уверены, что если красива, то в голове ничего нет, и поэтому подкат начальства будет принят с радостью и восторгом?

– Ага, прямо побежала! – шипела Вера, перебирая воспоминания – нет, она вполне чётко и ясно объяснила, что не интересуется её ни директор, ни его предложения, ни льготы и «плюшки», которые он сулил... – Почему, слово «нет» не понимают, пока не улетят через собственный стол вниз головой? Почему даже первая попытка остановить, перехватив руку, воспринимается как заигрывание? Или надо было сразу руку сломать, тогда бы дошло?

Нет, она отлично понимала почему – отец объяснил давным-давно.

– Понимаешь, Верунь, есть мужчины, которые себя воспринимают неадекватно – этаким повелителем кочки. Такие везде есть – и в армии, и на гражданке. В армии подобные будут заставлять солдат бесконечно выполнять бессмысленную работу просто для того, чтобы ощутить себя ого-го каким! И не только солдат – чем выше влез такой тип, тем больше у него возможностей. Да и на гражданке подобные будут

унижать подчиненных. Ну, просто так – от того, что могут. А как только такой человек видит красивую девушку, он будет стараться утвердить своё превосходство над окружающими, используя её. Мол, вон, какую я отхватил.

– А девушке-то это зачем?

– Если нормальная – ни за чем. Но может влюбиться, может быть зависима – подчинённая, и по какой-то причине некуда уйти в данный момент, может попытаться использовать этого «повелителя мира». Да мало ли что... И ты с такими деятелями вполне можешь столкнуться. Первый их признак – отказ для таких существует в параллельной реальности. Никто не может НЕ хотеть с ними общаться. Раз отказалась – значит цену себе набиваешь.

– И что делать? – живенько заинтересовалась Вера.

– Лучше всего избегать, – полковник уже давно адаптировал свои правила для дочери, понимая, что всю жизнь за ней ходить и пугать гавриков он, к сожалению, не может – служба как-никак. А для девушки самым правильным способом защиты от некоторых типов является простой и доступный – не встречаться с ними вовсе. – Чуешь – дело пахнет керосином, командуй себе отступление и следи из засады, да подальше!

– А если такой возможности нет? Если всё равно приходится встречаться, и такой всё равно считает, что это я не послала его куда подальше, а цену набиваю, тогда что?

– Как что – набить цену на физиономии болвана. Чтобы

сразу было понятно, как именно ты ЕГО оценила, раз уж слов не понимает.

Дальше, как правило, следовало описание, как и куда ударить, чтобы подходчивее было.

Вера несколько раз пользовалась рецептом, предпоследний раз – в институте, устав уворачиваться и отшучиваться в общении с одним из представителей «золотой молодёжи» по капризу родителей, оказавшемуся в обыкновенном техническом вузе.

Реакция объекта оценки, ощутившего себя сначала в полёте, а потом на полу в приличном отдалении от места старта, была забавной:

– Ну, чего сразу бить-то? Сказала бы сразу, что у тебя кто-то всерьёз есть, я б понял.

– Сил нет! Можно подумать, что если у меня всерьёз никого нет, то мне и такой «царь кочки» сойдёт! – подумала Вера, решив не опускаться до дискуссий – ещё воспримет как поощрение, с него станется.

Последний раз оказался сегодня – в директорском кабинете, который внезапно огласился пронзительным визгом летящего в кресло хозяина... Разве Верина вина в том, что кресло внезапно отъехало, и начальство встретилось всем организмом с гостеприимным полом?

Веру, проработавшую всего-то неделю и уволенную по причине меткого броска директора на его рабочее место, дома встретил дружный кото-собачий коллектив, который мо-

ментально унюхал её огорчение и принялся утешать.

– Не сбивайте меня с ног! Всем сидеть-бояться! – скомандовала она. – Ну, что вот делать, если такие у нас мааааленькие собачки, что просто головой толкнут и уже можно улететь? Хорошо хоть хвост есть только у Шарика, а то и хвостами сшибали бы.

– Ладно, раз уж с работы я уволилась, пошли погуляем, чего дома просто так киснуть? – Вера сняла с вешалки собачьи поводки, напоминающие парашютные стропы, и повела на улицу свой боевой отряд.

Когда домой вернулись родители, то отец ожидаемо рвал и метал, выясняя, где можно найти мерзкого типа, а мама обрадованно потирала ладони:

– Всё к лучшему – у меня отпуск начинается, у отца скоро начнётся. У тебя получаются нормальные каникулы, так что собираемся на дачу! Ну, ура, товарищи!

Громогласное «ура», вырвавшееся из собачьих пастей, перекрыло слабые женские голоса, но утонуло в натренированном УРРРА полковника Потапова.

Глава 3. Небестолковый и не болван

Валера ненавидел свою фамилию и всерьёз задумывался о том, чтобы её сменить на материну девичью, только деда и бабушку – отцовских родителей, не хотелось обижать, иначе давно бы это сделал.

С отцом отношения у Валерки не заладились с детства. Обожающий поучать, напыщенный и всезнающий тип, любящий только себя и изводящий мать... Как такого прикажете уважать и любить?

У Валерки это не получалось никак! Да ладно бы отец был таким только с ним, он бы пережил, но вот то, как отец обращался с мамой, простить отцу он не мог никак!

Когда он слышал, что отец зовёт маму дурой, как кричит на неё, как бесконечно что-то от неё требует, у Валеры перед глазами прыгали светящиеся точки от сдерживаемой ярости.

Почему сдерживаемой? Да потому что любая попытка заступиться делала только хуже, много хуже! Как-то Валерка, не выдержав, спросил у отца, как можно так обращаться с мамой? Последующий скандал вылился в бесконечные обвинения отца, которые он словно куски грязи швырял в мамино лицо.

– Как ты посмела настроить против меня сына? Разве я

так его воспитываю? Разве я когда-нибудь позволял ему со мной говорить в таком тоне, да ещё замечания мне делать? Нееет! Это всё ты! Ты никуда не годная мать! Если я ещё раз услышу от щенка что-то такое, я просто отберу его у тебя и отошлю на воспитание к родителям!

Валера видел, что маму это напугало больше всего – она была совсем бледная, хваталась за виски, плакала.

Что мог сделать в этой ситуации мальчик восьми лет? Ничего... Ничего, кроме выводов!

После того случая Валера старался держаться от отца как можно дальше, ни о чём с ним не заговаривать, все его бесконечные высказывания выслушивать молча, кивая головой, вроде как соглашаясь – он отлично помнил, что за его несогласие будет расплачиваться мама.

Маму он и любил, и сердился на неё...

– Мам, зачем ты с ним живёшь? Давай разведёмся с ним и всё? – предлагал он.

Правда, потом и мамин отказ от развода он понял – её родители накрепко вбили ей, что развод – страшный позор для женщины.

Когда ты живёшь в доме, куда не хочется возвращаться, а возвращаешься исключительно из-за того, что жить один пока не можешь, да и маму отчаянно жаль, немудрено, что оттуда жаждешь уехать как можно дальше и на подольше.

Разумеется, отец самолично решил, что сын должен поступать в Плехановский на экономический факультет, а ко-

гда Валерка возразил, разразился скандал.

Только вот ему уже было не восемь, а восемнадцать, и последние три года в школе он зубами землю грыз, только бы быть готовым к поступлению в вуз. Тот, который сам выберет!

– Ты – бестолковый болван! Никчёмный дурень, такой же, как и твоя мать! Ты станешь пэтэушником, а потом неграмотным слесарем, дворником! – вопил ему в лицо человек, который именовался отцом, а на самом деле приложил все усилия, чтобы стать никем. Громким и визгливым пустым местом.

Валерка его презирал настолько сильно, что изо всех сил старался даже финансово не зависеть. Нет, понятно, что у школьника нет такой возможности, но вот у студента, который сам, самостоятельно поступил и уехал в Питер, такой шанс уже есть.

Мама изо всех сил старалась помогать, правда, она не распоряжалась даже собственной зарплатой – отец со свадьбы уверял её, что она «красивая глупышка» и никак не может знать, как правильно и разумно тратить... Потом слово «красивая» исчезло, а «глупышка» доросло до «редкой дурищи», но факт оставался фактом – все траты контролировал отец, так что Валерке приходилось туго. Мама именно поэтому стала помогать своей подруге с её интернет-магазином товаров для рукоделия. Разумеется, в тайне от мужа.

Правда, Валера, искренне презиравший себя из-за того,

что маме приходится из-за него больше работать, да ещё идти на риск, подрабатывал где только мог, упирался в учёбе. Короче, выплывал...

И выплыл, что показательно! После окончания института не погнушался принять предложение о работе на заводе в Красноярске, потом вернулся в Питер и уже легко устроился там, мечтая о том, что сможет заработать на первый взнос по ипотеке и уговорить маму всё-таки развестись и переехать к нему – подальше от отца.

А потом... потом всё изменилось. Видимо, если сильно натягивать верёвку, она всё-таки не выдерживает. Не выдержала постоянного напряжения мама Валеры.

Он испугался, когда услышал её странный тон по телефону.

– Родной мой, я приняла одно решение и... развожусь с твоим отцом. А ещё, ещё я собаку подобрала! Маленькую такую.

Валерка не очень помнил, что мама говорила про собаку, зато первая часть фразы была счастьем, его многолетней мечтой, праздником и грузовиком пряников, не просто перевернувшимся на его улице, а свалившим весь свой груз ему в подарок.

– Мам! Счастье-то какое! – только и мог выговорить Валера.

Потом до него дозвонился отец и уточнил, знает ли сын, какую потрясающую глупость собирается сделать его мать?

– Что мама с тобой разводится? Знаю, конечно! – хладнокровно откликнулся Валерка. Терпеливо выслушал речь страдающего отца и ответил. – Я об одном жалею – что она раньше этого не сделала! Чего ради мама столько тебя терпела – я не пойму! – он мог себе это позволить, потому что жёстко решил – сегодня он терпит последний раз.

Известие о том, что мама отсудила половину имущества, Валерку удивило – он был уверен, что отец непременно устроит какую-то гадость.

– Нет, мой хороший, он сам себе всё испортил, – рассмеялась мама. – Он так важно читал судье лекцию о том, что всё должно быть ему, так решительно отверг моё предложение, что судья взял и разделил всё по закону – пополам. Солнышко, я сейчас живу на даче, квартиру сдаю и коплю на ипотеку для тебя...

Валерка только за голову схватился.

– Мам, ну, почему? Зачем? Живи сама, как тебе удобно, как хорошо! Я сам справлюсь! Не надо ютиться на даче!

Он на той даче был всего несколько раз и помнил её как унылый дом с жалюзи на окнах, наполненный до отказа бесконечными отцовскими разглагольствованиями, которые, кажется, аж из окон выливались густыми и тягучими языками.

Нет, конечно, он теперь приехал к маме в гости. Приехал и изумился.

– Мам, это точно тот же дом?

Да, конечно, и дом и участок – всё было тем же и одновременно абсолютно другим – радостным, светлым и тёплым! А главное, другой стала мама – помолодела, похорошела, выглядела как человек, который сбросил с плеч огромный груз. За ней теперь везде белым клубочком торопилась её собака, та самая, из-за которой мама и приняла эпохальное решение о разводе. Уже одного этого Валерке было достаточно, чтобы собака ему понравилась.

А потом... потом, после замечательного времени, проведённого с мамой, он вернулся в Питер на работу, и к Оксане. С Оксаной он уже полгода жил вместе, правда, пока знакомить с мамой не собирался. Настораживали некоторые моменты, и, как видно, не напрасно, потому что, вернувшись из Москвы, он «с корабля на бал» попал в шкуру мужа из анекдотов – за столом в квартире, которую он снимал, обнаружился какой-то полуодетый тип, распивающий чай из его собственной кружки.

Сначала из квартиры вылетел тип, потом Оксана с вещами, а вдогонку полетела неповинная ни в чём, но всё равно пострадавшая кружка.

Именно это событие, а ещё предложение о работе в Москве, поступившее через несколько месяцев, и послужило причиной его возвращения в родной город.

Какие-то деньги он сумел накопить, неожиданно приличную сумму прислал хитро усмехавшийся дед, часть дала мама, действительно сдавшая квартиру и живущая на даче.

– Валера, не морочь голову! Да, я понимаю, что у тебя убеждение, что ты всё-всё должен делать сам. Но ты сам поступил в вуз, сам там учился, жил в общежитии, и практически ничем я не могла тебе помочь... Ты сам нашел работу, вкалывал, старался. И если я могу тебе хоть что-то подарить, пожалуйста, не отказывайся. Тебя смутила сумма, которую тебе дедушка и бабушка передали? Так это деньги, которые когда-то занимал у них твой отец, и которые ему пришлось вернуть – дед у нас хитрый и предусмотрительный, сохранил очень грамотно написанную расписку... Так что не лишай их удовольствия лишний раз утереть отцу нос.

Вот так и вышло, что он вопреки всем отцовским предсказаниям о скатывании на дно и прозябании там оказался владельцем квартиры, очень неплохой работы и отличного настроения, которое обычно возникает у людей, когда у них начинается отпуск.

– Куда поеду? К маме на дачу – хочу там ей помочь кое-что сделать, да и просто отдохну! – именно так он отвечал коллегам.

Особенно по-дурацки себя чувствуешь, когда делаешь что-то абсолютно нормальное, заурядное, правильное, а в результате оказываешься в немислимо неловкой ситуации...

Ну, вот, например, что может быть обыденнее, чем по дороге в магазин на станции завезти маминой заказчице её покупки. По крайней мере, Валера был уверен в этом с самого утра.

Летнее утро... на веранде мама накрыла стол к завтраку. Изумительно пахнет кофе, солнечный свет подсвечивает прозрачную мисочку с малиной, радостно подмигивает яичница, застенчиво укрывая собой розовые тонюсенькие ломтики колбасы. Жизнь впереди чудесна и изумительна, как и должна быть в первый день совершенно беззаботного отпуска!

– Валер, побудешь с Арькой? Я должна заехать к заказчице, – сказала Ася сыну, намазывая ему маслом свежий кругляшок овсяного печения.

– А, покупательница-рукодельница из вашего магазина? – Валера до сих пор ощущал себя виноватым за то, что маме пришлось помогать подруге с интернет-магазином товаров для творчества.

– Ну, да. Она сделала большой заказ, курьер должен был отвезти его по адресу, а вчера она позвонила и извинилась, что у неё планы изменились, и она уезжает на дачу, принять курьера не успевает. Вот, я и спросила, где у неё дача. А оказалось, что тут совсем недалеко, – Ася назвала деревню. – У них там дом. Вот я и предложила завезти, она так обрадовалась.

– А! Это по направлению к станции? Указатель видел.

– Да, именно, – Ася угощала Арьку её любимым яйцом, отчего белый хвост вилял с немислимой частотой.

– Так давай я завезу. Я же всё равно за продуктами собирался поехать. И Арька с тобой спокойнее себя чувствует.

– Вот спасибо тебе, мой хороший! Если честно, так не хотелось сегодня от дома отрываться! – мама погладила стол так, словно он был живым существом. – Только с ней предварительно созвониться нужно.

– Мам, ну, я тебя очень прошу, ты мне говори, что делать надо! Мне-то съездить – раз плюнуть! Только дай адрес и телефон заказчицы.

Настроение было замечательным, никакие дурные предчувствия не посещали новоявленного курьера на пути к тому, что в полной мере могло считаться настоящей засадой.

Валера сначала было думал доставить заказ, но телефон покупательницы не отвечал, тогда он решил съездить за продуктами.

– Уфффф, ну, всё, весь список купил! – обрадовался он, перегружая пакеты из тележки в багажник, – Где, спрашивается, носит ту тётку, а? Хотелось бы уже отстреляться, и голову потом себе не забивать!

Он позвонил ещё несколько раз, но абонент всё так же находился где-то вне досягаемости.

– Может смартфон забыла зарядить? Оксанка часто забывала, – он осознал, что снова вспомнил свою бывшую девушку, с которой расстался ещё в Питере, и о которой строго-настрого запретил себе думать, чуть не зашипел от того, что она так ярко возникла перед глазами, словно стояла рядом. – Тьфу! Куда тебя несёт-то? Нафига тебе эти девицы сдались? Одни проблемы от них, особенно от красивых!

Нет, женоненавистником он не стал, но очень старался себя убедить в том, что когда-нибудь потом отыщет себе какую-нибудь тихую и спокойную девушку, женится на ней и будет жить-поживать...

За этими размышлениями он и сам не заметил, как свернул к озеру, а потом озадаченно уставился на дорожный указатель, гласящий, что вот прямо тут, перед его носом, находится та самая деревня, где и проживает растяпа-покупательница.

– Ну, ладно, доеду до дома, постучу да покричу... может, где-то в огороде сидит! Заказ-то оплачен, мне просто отдать нужно.

Решено-сделано! До нужного дома он добрался быстро, с недоумением воззрился на здоровенный забор, который по сравнению с соседскими выглядел как средневековое укрепление в романском стиле, то есть этакая непрошибаемая стена.

– Крепость какая-то... – фыркнул Валера и нажал на кнопку звонка.

Ничего не произошло, из-за забора не было слышно ни звука, на улице было абсолютно пусто, но почему-то Валеру не оставляло ощущение, что за ним кто-то наблюдает.

– Что за дичь такая? – рассердился он сам на себя. А потом, возвысив голос, позвал: – Ээээй, хозяйяеваааа! Есть кто дома? Алёёё! Я ваш заказ привёз!

Тишина была ему ответом!

– Ну и ладно! Ну и пожалуйста, – Валера ещё раз позвонил маминной покупательнице – с тем же результатом, ещё пару раз нажал на кнопку звонка, а потом решил, что сфотографирует себя на фоне монументального забора, чтобы в случае претензий от маминной клиентки предъявить доказательство того, что он приезжал.

– Ну, вот... всё, что мог я сделать, – пожал плечами Валера, для очистки совести нажавший последний раз кнопку звонка и вдруг замерший от удивления – отчётливый писк домофона возвестил о том, что дверь открыта. – О! Так она всё-таки дома? Ну, и тормоз тут живёт...

Подхватив объёмистый пакет с заказом, он шагнул за ворота.

Широкая дорожка вела мимо клумбы и деревьев к бревенчатому дому.

– Хоть бы выглянула, что ли... – удивился Валера, проходя по безлюдному участку.

И опять это странное ощущение, будто за ним кто-то следит.

– Нервы ни к чёрту! – решил он, оглянувшись на закрывшуюся за его спиной калитку. – Кто тут может меня видеть? Даже из окон дома меня сейчас не рассмотреть.

Он добрался до дома, поднялся по ступенькам, демонстративно громко постучал в дверной косяк – входная дверь была распахнута настежь, внутренности дома были видны смутно за москитной сеткой, укреплённой на двери.

– Ээээй! Хозяйка! – громко позвал Валера. – Как там её зовут? – пробурчал он себе под нос и скосил глаза на этикетку, приклеенную на пакет. – Надежда Потапова... Надееееждаааа! Я Вам заааааз привееееёз!

Валера потоптался у порога, а потом решительно опустил пакет на пол у порога и хотел было уйти, но сообразил – ему же подпись хозяйки нужна.

– Что я как дурак с писаной торбой! – озлился он. – Надежда, где вы там? Примите заказ и распишитесь, пожалуйста!

В доме раздался какой-то шум, и Валера обрадовано шагнул вперёд, переступая порог дома.

– Надежда!

Это было последним, что он сделал по своей воле. Потому что в следующую секунду он узрел перед собой здоровенного широкогрудого ротвейлера, шагнувшего из густой тени из глубины дома.

Пёс рассматривал его с подозрительным нехорошим прищуром, и Валера поспешно отпрянул назад, на открытую веранду, повернулся было к ступенькам, и упёрся взглядом в морду ещё более внушительного алабая, разглядывающего его с явным гастрономическим интересом.

– Это... ффффу! – неубедительно сказал Валера, и ему отчётливо показалось, что псы переглянулись и ухмыльнулись. Типа, надо же, какой забавный бутерброд... говорящий, однако!

– Я не вор! Я – курьер! Я посылку привёз! – отчитался Валера. – И вообще, где ваша хозяйка? Надеждааааа!

Надежда, конечно, наш компас земной, но вот Валере от этого в данный момент никакого толку не было.

– А дело-то дрянь! – сообразил он, ощутив, как по позвоночнику прошел холодок и то самое ощущение пристального взгляда. – Да где эта хозяйка? – взвыл он, отступая по веранде, из дверей дома на него шел ротвейлер, по ступенечкам неспешно поднимался алабай, а в общем и целом ситуация называлась «визит упитанного песка в загородной действительности».

– Всё, я попал... хуже некуда! – сообщил сам себе Валера, порадовавшись только о том, что вместо него не поехала мама.

Но, как выяснилось, хуже всегда есть куда...

Валера это понял быстро – как только ему под колени попало что-то высокоскоростное и увесистое, отчего равновесие покинуло его, наплевав на свои непосредственные обязанности, а дощатый пол открытой веранды приблизился с неприличной скоростью.

Нет, реакция-то у него была хорошая, но в руках был объёмистый пакет с заказом, отбросить его показалось неправильным, поэтому Валера попытался и пакет удержать, и себя не уронить. Разумеется, не справился с последним и шумно рухнул, задев головой небольшую скамеечку, тихо-мирно стоящую на веранде.

– Эть, как бамкнулся! – констатировал Бук, усаживаясь слева и пристально глядя в физиономию вторженца.

– Как то брѐвнышко, которое ты вчера сломал! – согласился Топ, устраиваясь поудобнее справа от объекта охоты. – А зачем ты его свалил, Шарик?

Всѐ-таки коты – лучшие специалисты по уютному расположению на местности, и кот, уже устроившийся на скамеечке над физиономией поверженного пришельца, самодовольно ухмыльнулся.

– А если он нужный? Ну, вот что-то хозяйке принѐс, а отдавать не отдал. А так мы всё до их прихода тут оставили. Что надо возьмѐм, что не надо – выкинем.

С логикой у кота было всё так же хорошо, как и с уютностью...

Когда жена полковника Потапова с дочерью вернулись домой, Надежда сразу поняла – что-то очень сильно не так...

У ворот стояла абсолютно чужая машина, забитая покупками, водителя не было видно, зато царила такая подозрительная тишина, которая подразумевала два тактических вывода – или тот, кто оставил тут машину, ушел к соседям, или...

– Мам, интересно, Шарик всё ещё умеет открывать домофон? – озадаченно протянула Вера, переглянувшись с мамой. – А если... если сам, без команды решил открыть?

– Мне другое интересно, у нас дома все живы? – пронеслось в голове у Надежды, когда она дрогнувшими руками от-

крывала калитку.

– Не факт! – обреченно поняла она, опасливо заглянув на участок. – На веранде торчат чьи-то ноги...

– Только ноги? – ахнула Вера, – А остальное? И да... а наши где?

– Сидят там же, непосредственно над ногами! Вера, стой тут!

– Да вот ещё, что я недогрызков не видала? Вон, Шарик недавно одного того... – Веру колотила нервная дрожь, но она видела, как испугалась мама и пыталась хоть немного её подбодрить.

– Вер, тот недогрызок сам умчался как страус, а этот тихо лежит. Короче, оставайся тут! А то мало ли...

– Мам, нет! Я одну тебя не отпущу!

Пришлось идти вдвоём... шли практически в ногу, с перепугу печатая шаг и подсознательно громко топая, в надежде, что этот самый, который там валяется, сейчас поднимется и сообщит, что он просто прилечь тут решил...

Тщетные надежды.

– Мам, если что... куда его девать будем? Ну, сами закопаем, или папу подождём? – уточнила Вера, нервно усмехаясь.

– Шутки у тебя! – Надежда уже поднялась по ступенькам и с превеликим облегчением увидела, что лежащий человек цел и невредим.

– Не недогрызок... уже легче! – констатировала Вера, рас-

смотрев молодого мужчину, возлежащего между их собаками.

Надежда выдохнула и решительно взяла лежащего за запястье. – Жив, пульс есть, – облегченно выдохнула она.

– Мам, а чего это за пакет? На нём твоя фамилия, – обратила мамино внимание глазастая Вера.

– Ой, это же, наверное, курьер от магазина приехал! А я же смартфон дома забыла! Граждане, зачем вы уронили курьера? – спросила она у собак.

– Нет, вопрос даже не в том... зачем вы заманили курьера, запустили и уронили его, а? – Вера строго воззрилась на понурившихся собак и оскорблено-независимого кота. – И я даже знаю, кто заманивал, запускал и ронял! Шарик, ёлки-палки, а ты мышку поменьше мог выбрать? Что нам теперь с ним делать? Мам, может, скорую вызвать?

– Кому тут скорую вызывать? – раздался за спиной Надежды голос мужа. – Надь, а это нормально, что у нас на полу человек валяется?

– Пап, а что тебя смущает? И ничего такого страшного, пусть повалится, может, в хозяйстве пригодится! – разумно ответила полковничья дочка.

– Это вообще кто? – допытывался Потапов. – Ухажёр?

– По-видимому, курьер... – реабилитировала пришельца жена, вынесшая из дома стакан с водой, – вон, рядом лежит пакет из интернет-магазина.

– Па, это всё ты... зачем ты кота научил по команде от-

крывать домофон? Он теперь и без команды это делает.

– Шарик! Инициатива наказуема! – строго сказал полковник, приложив пальцы к шее пострадавшего. Он профессионально осмотрел пострадавшего, прошёл пальцами по голове, обнаружил приличных размеров шишку, – Надь, дай воды.

Брызги ледяной воды, опавшие недрогнувшей рукой на физиономию курьера, взбудрили его моментально.

– Тихо-тихо! Не надо так подскакивать! – загудел кто-то около Валеры, – Вы как?

–Ээээ, странно! – признался он. – Странно, что меня не съели.

Глава 4. Офелия Потапова

Раннее утро того же дня:

Вера обожала раннее утро. Классно же, когда солнце только встало, когда ещё прохладно и трава мокрая от росы, когда можно сбегать на озеро и знать, что будешь там одна.

Она позвала Топа, оставив Бука на охране, и поспешила на озеро.

– Хорошо-то как! – мечтательно вздыхала она, лёжа на спине и разглядывая расцветающее утренним разноцветьем небо. – Тихо, спокойно!

Топ дисциплинированно сидел на берегу, сторожа вещи хозяйки, а Вера отплыла подальше от берега, раздумывая, стоит ли переплыть на тот берег, или нет. С одной стороны – отличная зарядка, да и место тут самое узкое, а с другой – может, поленился немного в честь первого настоящего каникулярного дня?

И тут послышался шум мотора и громкая музыка – на противоположный берег вырулила машина, отлично Вере знакомая.

– Опять Макс, – настроение тут же испортилось. Максим – сын соседей через несколько домов от них, любил выпить. А как только выпивал, его начинало тянуть на признания и подвиги. Признавался он, как правило, в нежных чувствах, абсолютно несуществующих, а подвиги были весьма своеобраз-

разные, и из-за них матери Макса приходилось регулярно выплачивать соседям деньги за ущерб от действий сына.

– Интересно, чего это он в такую рань? – Вера Максима знала с детства и точно помнила, что утро у него добрым не бывало никогда. – Хотя, нет, не интересно!

Идея переплыть озеро утонула сама по себе. Вера развернулась и уже сделала пару гребков по направлению к своему берегу, как услышала пронзительный и тоскливый звук – жалобный скулёж.

Разворот в воде сделать было недолго, оценить ситуацию тоже – Макс был сильно нетрезвым, и это было вовсе не его утро, а продолжение ночной гулянки. Где он взял собаку, Вера не знала, но в любом случае кидать её в воду и не давать выбраться на берег было недопустимо!

Собака плавала как-то неожиданно плохо, скулила, пыталась выбраться, а Макс отпихивал её от невысокого, но обрывистого бережка палкой, что-то бормоча под нос.

Вера так быстро, наверное, никогда и не плавала, но подросла вовремя – собака всё чаще погружалась с головой, панически била лапами, слабея на глазах, выныривала, но только чтобы снова погрузиться в воду. И тут обнаружила, что её кто-то удерживает, не даёт уйти вниз, в холодную темную и безразличную глубину, которая тянула к себе, лишая последней надежды.

– Ты чего творишь? А? Сдурел совсем? – рявкнула Вера на Максима, стараясь отдышаться.

– А...Верррунчик приплыл! Красавица моя! – расплылся Макс в улыбке, так непохожей на злобную ухмылку, с которой от топил собаку, бессильно приникшую сейчас к Вере. – А, это? Это сссобака! Такая гадина! Я на шшшше её нашел! Она чуть мне машшшну не разбила!

– Ты окончательно свихнулся? Ты пьяный ещё и за руль сел? Ещё скажи, что на тебя столбы прыгали по дороге!

–Стлбы? Неее, стлбы стояли! А эта ддддрянь чуть меня не того! Вот я её и это...

– Тебя бы это... в водичку и держать, пока не протрезвешь! – рявкнула Вера, покосившись на собаку. То, что она увидела, ей откровенно не понравилось – собака крупная, по виду кто-то охотничий, но истощена так, что все рёбра можно пересчитать, все позвонки. Видимо, от голода и стресса она и так ослабела, а попытки удержаться на воде её и вовсе обессилили. – Это хорошо, если паразит-Макс её машиной не задел и дубиной своей не треснул! – соображала Вера.

Ситуация была не очень хорошая – Макс, внезапно взъярившись, требовал отдать ему собаку, чтобы он с ней разобрался за машину. Выбраться тут на берег, с учетом наличия пьяного барана с дубьём в руках, не представлялось возможным. Собака выглядела плохо, откровенно плохо – она явно сильно наглоталась воды, пыталась откашляться, перебирала бессильными лапами, а потом снова испуганно замирала, косясь на Веру.

– Так, здесь я по любому не выберусь, – поняла Вера, –

надо плыть назад. И хорошо бы собака не начала биться от паники – мне её трудно будет удержать.

Нет, биться она уже не могла. Вера, не слушая пьяные вопли Макса о своей великой к ней любви, которую она променяла на поганую псину, перевернулась на спину и размеренно била ногами, правой рукой с трудом удерживая на плаву собаку.

Завидев берег, она вырвалась, тут же ушла под воду, Вера едва-едва успела её выловить и вытащить.

– Не-не-не, ты что это? Дыши немедленно! Топ, не мешай! Сторожи нас! – Вера кинулась к вещам, выудила смартфон и лихорадочно набрала маме.

– Мам, скорее приезжай на берег, наше место. Тут с собакой плохо – воды нахлебалась! Нет, не наша, мамочка, быстрее!

Вера плакала над собакой, у которой всё меньше оставалось сил, чтобы жить, она старалась ей помочь, и тут была отодвинута в сторону сильными руками отца. Родители приехали на двух машинах и, оценив ситуацию, принялись за дело.

Отец просто взял несчастную псинку за задние лапы и потряс из её лёгких воду.

– Пусти, теперь я, – Надежда начала делать искусственное дыхание и массаж грудной клетки собаки, пока муж подогнал машину поближе.

– Так, Надя, на заднее сидение, я её тебе сейчас туда по-

ложу. Верунь, садись за руль, отвези Топа домой, оденься и захвати мой кошелёк. Мы её в ветеринарку повезём, езжай туда же.

Когда Вера приехала в клинику, собака была жива.

– Почти не борется, истощена донельзя. Если бы не ваши усилия, она бы умерла давно. Да, если что, на животе есть татушка. Если выживет, можно поискать хозяев. Это пойнтер, молоденькая совсем, такие часто сбегают, – ветеринар семью Потаповых отлично знал, так что сейчас просто старался отвлечь женскую часть семьи от переживаний.

Часа через два стало понятно, что Офелия Потапова, как её записал ветеринар, всё-таки собралась выживать.

– Ну, давление повысилось почти до нормального, сердечко заработало поровнее, начала стараться. Мы её прокапаем, поколем, я напишу, что купить из лекарств, и уже к вечеру её можно забирать.

– Так, девочки, вы давайте домой, а я куплю всё и приеду, – велел Потапов, рассудив, что его девчонкам надо срочно успокоиться и передохнуть. Знал бы, что они застанут дома, сам бы поехал первым!

Валерий сел, помотав головой и покосившись на скамейку. На ней сидел упитанный пушистый кот и насмешливо разглядывал его физиономию.

– Простите, Вы как себя чувствуете? – уточнила у него женщина, обеспокоенно его рассматривающая. – Скорую

вызывать?

– Да, вроде как, ничего... – он пощупал голову, порадовавшись, что скамеечкой попало по касательной. – Скорую? Да нет, не надо. – что уж там... когда занимался борьбой, и не так получал.

– Голова не кружится? Не болит?

То, что у Валеры болело больше всего, в приличном обществе прямо именовать было не принято – грохнулся он на пятую точку и отбил именно её. Впрочем, голова тоже побаливала, но, как ни странно, терпимо.

– Извините, а вы курьер? – спросила женщина.

– Не совсем. Меня попросили Вам заказ привезти, вот я и поехал. А у Вас телефон вне зоны доступа.

– Да, я его забыла, к сожалению, извините, пожалуйста. Но мы с менеджером договаривались, что если курьер дозвониться не сможет – тут иногда связь не очень бывает, то я сама к ней подъеду, она здесь где-то рядом живёт...

Валера почувствовал себя довольно глупо. Да, разумнее было просто вернуть этот пакет домой, только вот он упёрся доставить непременно, чтобы маму не подвести, напрочь забыв о том, что она говорила об обязательном созвоне.

– А на участок Вы как зашли? – хмуро уточнил здоровенный мужчина, видимо, хозяин дома.

– Так домофон открылся.

– Шарик... я тебя накажу за это! – рыкнул мужчина на... кота.

Ошалелый вид пострадавшего его смутил и побудил к объяснениям.

– Его Лошарик зовут, в честь подлодки. Сокращенно – Шарик. Я его научил домофон нажимать по команде – когда в гараже вожусь, руки по локоть грязные, и точно знаю, что друзья приедут, это удобно, а он, свинтус, устроил тут...

– Вы бы поосторожнее что ли... – заметил Валера. – Собаки-то у вас серьёзные.

– Серьёзные, – согласился хозяин. – Так и воспитаны серьёзно, с кинологами. Они же не на улице Вас встретили, да?

– Нет, не на улице, – согласился Валерий.

– Небось, Вы в дом сунулись? – прищурился хозяин дома.

– Ну... – Валера сосредоточился. – да, вообще-то. Там кто-то зашумел, вот я и решил, что хозяйка там. Ногу через порог переставил...

– На будущее... – вздохнул хозяин, – в дом заходить не стоит. Ни к кому и никуда. Только если рядом хозяева стоят и сами приглашают.

– Вы чувствуете-то себя точно не плохо? – снова забеспокоилась женщина, – Они Вас свалили?

– Не, мне, видимо, повезло, – он потрогал голову. – А вот про свалить... я так и не понял, что это было. Собаки были передо мной, теснили к скамейке, а кто ж меня тогда под колени-то стукнул?

– Шарик! – загремел хозяин разношерстной компании. – Ты опять самоуправством занимаешься? Ну, погоди у меня!

Никаких креветок и рыбы!

Кот даже ухом не повёл, разглядывая облачка, лениво плывущие по небу.

Хозяин дома протянул Валерию широкую ладонь и добродушно хмыкнул. – А Вы отчаянный, раз не побоялись к нам зайти, с нашими-то собаками.

– Да откуда же я знал, что они у вас есть?

– Так объявление же висит! – изумился его собеседник. –

Рядом с калиткой.

– Не видел... – растерялся Валера.

– Ну, как же! Пошли!

Объявление действительно было. Здоровенными буквами написано «Осторожно, злые собаки». Более того, ниже на табличке ещё и изображения их красовались.

– И как это я это не увидел? – ошалело помотал головой Валера. – Небось, в телефон уставился и не обратил внимание.

– Это бывает, – вздохнул хозяин дома. – Ладно, выяснили вроде... Вы уж извините, просто собаки натренированы на определенные действия. Всё в соответствии с породой. Ротвейлер – в доме работает, алабай – на участке.

– А почему он меня тогда вообще пустил? – удивился Валера.

– Так говорю же – порода. Эти, как правило, всех пускают и никого без хозяина не выпускают. Вы если бы в дом не пошли, ротора вообще не увидели бы, а алабай остановил бы

на выходе – ждать нашего возвращения. А вообще, у нас на веранде специально скамейка стоит – для пришельцев. Там и дожидаются, если что.

Валера не очень понял про «если что», покосился на забор, пожал плечами. На его взгляд, перебираться через этот заборище было крайне неразумно, а уж с учетом наличия собак...

Ему, если уж совсем честно, никакие большие собаки не нравились – дома, разумеется, их и близко не было, куда там! Отец бы точно даже говорить об этом не позволил. Мамина Арья была забавной, но эти два здоровенных пса никак на забавных не походили.

– Ладно, я заказ доставил, и поехал! – он похлопал себя по карманам джинсов и вдруг понял, что ключей от машины нет. Заглянул в салон – и там их не было.

– Без обид? – заволновался хозяин дома. – Вы уж извините, что мы Вас подвели, да и кот, свинтус, нахулиганил.

– Без обид. Вообще-то, сам не очень прав был, если честно. Только... только куда-то я дел ключи от машины. – Валера начал медленно обходить машину, внимательно вглядываясь в траву под ногами.

– Может, на крыльце выронили? – хозяин дома уже загнал обе машины – и свою, и жены – на участок, и теперь пришел к топчущемуся у калитки курьеру, который не курьер.

– Да, может... только я уже научен. Без Вас туда не ходок.

– Тогда пошли со мной! Да, меня Михаилом зовут.

– Очень приятно, Валерий.

Он шагнул за порог и обратил внимание, что Михаил запер калитку и проверил, хорошо ли закрыто.

Ключи нашлись под длинной скамейкой на веранде, на которой восседал Шарик. Валерий наклонился за ними, и тут же резко закружилась голова, он схватился за край скамьи, стараясь не упасть и не опозориться вконец.

– Вам плохо? – незнакомый голос заставил его поднять голову. На него смотрела самая красивая девушка из тех, кого он когда-либо видел. – У Вас голова закружилась, да?

– Ничего страшного, это так, ерунда... – признаться ей, что он, как барышня, страдает головокружением, было выше его сил. – Извините, я Вам мешаю, сейчас я уже уеду.

– Пап! Папа! Ему всё-таки нехорошо! – девушка выглядела испуганной. – Вы нас извините, у нас просто сегодня было очень сложное утро, видимо, оно и Вас задело. Мы вообще-то обязательные – военное воспитание, просто формажор приключился.

– Да ничего страшного, бывает, – он одновременно успокоил и девушку, и Михаила, собрался с духом, выпрямился и решительно двинулся к ступенькам, как вдруг мимо промчались оба пса, рванули к калитке, вздыбили шерсть.

– Веррррра! Открывай! Веррра! – явно нетрезвый голос начал монотонно требовать какую-то Веру.

Валера только когда посмотрел на девушку, понял, что это

она – Вера.

– Опять! Да сил же нет никаких! – вздохнула она. – Я сегодня до него точно доберусь!

Михаил гневно крикнул и тяжелым шагом направился к калитке.

– Верррра, эт хто тут к тебе приехал? Хххххаль? Да я ему счас...

Глава 5. Не спеши, а то, как успеешь

Михаил вышел как раз вовремя – пьяный поднял над капотом машины Валерия камень, и собрался было ударить по машине, но замер, скосив глаза на пасть ротвейлера, обнаружившегося на его запястье. Топ, без видимых усилий стоящий на задних лапах, зажал запястье Максима так, чтобы и не укусить, но и не позволить человеку пошевелить рукой.

– Топ, молодец! – от души похвалил его хозяин, – Можно отпустить.

Камень был деловито изъят из ослабевшей длани Макса.

– Не спеши, а то, как успеешь! – мрачно велел Михаил, прихватив деятеля за грудки и оттаскивая его от машины. – Я тебе в последний раз что сказал, а? Не подходи к нашему дому! А если ты опять к Вере приставать будешь, вообще пожалеешь, что на свет родился! Понял? Ты чего творишь? Собаку чуть не убил, жену мне перепугал, дочку расстроил, сейчас чуть человеку машину не испоганил. Уйди по добру, пока я тебе ничего не сломал!

– Хахххалю, значить можно, а мне с Веркой низзя? – возмутился невменяемый субъект.

– Ну, достал же! – вздохнул Михаил. – Я же с тобой полюдски пока разговариваю. А! Хоть что с тобой разговари-

вать! Пошли! Ножками-ножками. Сдам тебя матери и пусть она и думает, как тебя в порядок привести.

– Михаил Иваныч, отпустите Максима! – из-за угла выбежала возмущенная женщина. – Что, эта Ваша его опять при-манила?

– Кто эта моя? Вера у себя дома сидит, а твой сын тут ерунду устраивает! Убери ты его с глаз моих, а то не посмотрю, что твоя мать с моей дружили, набью ему рожу!

– Да это всё Верка твоя. Что она с парнями делает? Только головы всем морочит! Пусть бы выбрала одного и замуж вышла! Нет, всё форсит, перебирает...

– Да с какого перепуга она должна замуж сейчас выходить? Просто? Чтобы твой сыночек за ум взялся? Так у него ума и раньше-то не особо было, – рыкнул Михаил, подталкивая Макса к матери. – Ей девятнадцать всего! Кого она перебирает? Уводи его от греха! Я и так чуть сдержался, когда мои собаку спасали, которую твой сыночек топил!

– А у Вееерки хахххаль приехал! – вдруг вспомнил Макс и отправился выяснять отношения с «хахалем», немного растерявшимся от страстей, которые, скорее, ожидаешь в какой-то итальянской комедии или трагедии...

– А вот я тебббббя счас!

И тут Валерий совершенно явственно услышал, как Вера, стоящая у калитки, негромко приказала:

– Шарик! Лесоповал!

События, последовавшие за этим, убедили Валерия в том,

что кот командам точно обучен. Пусть необычным командам, так и семейство тут тоже неординарное.

Вылетевшее из-за калитки серое полосатое нечто ловко заплелось в ногах у нападающего, тот рухнул на четвереньки, и прямо перед собой узрел очень-очень спокойную морду алабая.

Вопли и ругань прекратились, словно кто-то кнопку нажал.

Максим сидел на траве, уставившись на раскрывшуюся перед ним дивную картину – ухмыляющуюся собачью пасть, которая с перепугу показалась ему ничуть не меньше крокодилей.

– Потапов, убери своих проклятых собак! – взвыла как пароходная сирена мать Максима.

– Бук, сидеть! – Михаил Иванович иногда очень жалел о том, что в законодательстве нет исключений типа «можно набить физиономию пьяному дурню в исключительно воспитательных целях», подозревая, что тогда небольшая, но очень проблемная часть населения могла бы и поумнеть. Правда, как человек военный, подчиняться приказам наученный, вздыхал и... подчинялся. Почти всегда. По крайней мере, тогда, когда рядом были очень предвзятые свидетели.

Бук, тоже воспитанный подчиняться, тут же сел, но пристального взгляда от объекта не отвёл.

А что, смотреть-то можно? Можно! А то, что у объекта

наблюдения сразу такая трезвость в организме просыпается – так это инстинкт самосохранения работает, это не запрещено!

– Забирай ты своё сокровище и не пускай к нам. Я тебе серьёзно говорю! – Михаил выглядел очень похожим на разъяренного медведя.

Женщина вцепилась в пьяного сынка и поволокла его за угол.

Вера проводила Максима довольно-таки мрачным взглядом, по опыту зная, что если уж он сорвался с более-менее трезвого состояния, то пока не получит какое-то серьёзное внушение, не успокоится – натура такая.

Прошлый раз «полёт буревестника в пьяном угаре» закончился тем, что Максу пришлось на соседней улице мыть измазанный всякой дрянью забор – а всё потому, что его пару раз, разумеется, абсолютно случайно уронили в канаву, откуда он и набрал пакость для заборного дизайнера.

В позапрошлый – попытался зачем-то изловить померанского шпица соседки-пенсионерки, и был банально, но сильно побит шлангом. Благо свидетелей не было, а пенсионерка перманентно имела вид безмятежного одуванчика в безветренный день.

Год назад Макс и к ним залез – за огурцами. И ведь додумался же – дождался, когда отец начнёт менять заднюю часть забора, вот и полез за приключениями на ягодичные мышцы.

Приключения он получил в полной мере, тут уж даже мать его возмущаться не посмела – подранные в клочья штаны за кражу были небольшой расплатой, как ни крути.

А потом Макс вдруг узрел, что она как-то изменилась и из Верки-девчонки стала выглядеть как-то иначе. Узрел и вспыхнул...

– Как он надоел-то! – шипела она, и летал уже Макс и в крапиву, и в шиповник, и в заросли колючей жадной ежевики. Всё зависело от того, где именно его голову посещала светлая идея осчастливить Верку своим драгоценным вниманием.

Сегодняшнее происшествие на озере перевело Макса из категории «пить не умеет, а туда же» в совсем иную – «опасная и гнусная пакость».

Вера вспомнила тонущую собаку и физиономию этого самого Макса, когда он замахивался палкой на несчастную Офелию, и стиснула зубы.

– Ну-ну, полетаешь ты у меня ещё. Хахаль нашелся! – а потом невольно обратила внимание на стоящего неподалёку «курьера». Кажется, только тогда и рассмотрела.

Никакого неприятия он не вызывал, странным образом не нервничал, и... что очень прибавило плюсов – на Верину внешность неправильно не среагировал!

Никак у Веры не получалось спокойно реагировать на повышенное мужское внимание. Нет, понятное дело, приятно, когда ты из замухрышки вдруг превращаешься в привлека-

тельную и симпатичную, но вот дальше этой приятности у Веры дело не шло. Не нужны ей пока были ни ухаживания, ни предложение руки-сердца и прочего ливера, ни цветы и маленькие бархатные коробочки со всякими «кусочками сыра» ювелирного происхождения.

Вера, как единственная, очень любимая и здраво воспитанная дочь полковника Потапова и его жены, имела чёткое представление о собственной жизни – учёба, устройство на работу, а потом уже всё остальное. Просто потому, что не всем же так везёт, как её маме с отцом, а вот, если что... заработать на кусок хлеба и себе, и детям надо уметь непременно!

Поэтому навязчивое внимание, а тем более упорные преследования некоторых сильно вдохновившихся её внешнестью представителей мужского пола Веру только раздражали. Она всегда умела и любила дружить с мальчишками, и то, что многие из друзей стали её воспринимать не как друга, а как объект для ухаживаний, было приличным разочарованием. Друзей сильно поубавилось, прямо скажем – дефицит образовался, и на почве этого на человека, который спокойно воспринял и падение, и здоровенных собак, и кота-диверсанта, плюс не струсил перед очень нетрезвым Максимом, кстати говоря, вымахавшим в приличный шкаф, Вера смотрела вполне приветливо.

Потапов проводил тяжелым взглядом Максимову спину, покачивающуюся в отдалении, и поднял на руки кота.

– Ну, ты, конечно, молодец, когда по команде работаешь! – похвалил он. А потом обернулся на Валеру.

– Давайте-ка мы с дочкой вас отвезём. Я за руль вашей машины сяду, а за нами дочка поедет на моей машине. Вы же тут неподалёку живёте?

– Да ну, что Вы! Я сам! – Валера небрежно махнул рукой и тут же пожалел об этом – голова снова откликнулась на резкое движение.

– Вот и напрасно, не надо рисковать за рулём без нужды, – полковник убеждать умел, так что Валерий, в принципе признававший его правоту, решил не ломаться и назвал адрес.

– Ой, да Вы же как раз почти напротив Ниночки живёте! – обрадовалась Вера. – Она потрясающе классный мастер-кожевник! Я её знаю. Сначала мы собаками подружились, у неё замечательный пёс – Гирь, а потом уже я у неё сумки заказывала и пояса.

– Собаками подружились? А! Да, мама говорила, что её собака дружит с соседскими. Там вроде что-то огромное лохматое, а ещё бультерьеры. Правда, не знаю, как можно дружить с бультерьерами!

– Да, ну, что Вы! Бульки потрясающие! Крок и Дил! Они когда на озеро приезжают, я всегда очень радуюсь – наши слоники с ними играют вовсю. Я там всех знаю, и Тима, и ещё и Эрдель появился. А уж Фунтик – это вообще что-то... Погодите, а у Вашей мамы какая собака?

Специфические способы опознания людей через собак

Валере были в новинку. Ну, не общался он ещё с этим сообществом собачников. Слегка удивился, но ответил:

– Маленькое беленькое, такое пушистое-пушистое.

– А! Арька – Ариадна? – моментально припомнила Вера. – А маму вашу Асей зовут? Ну, надо же как тесен мир!

Валера только головой кивнул и снова живенько осознал, что вот не нужно было этого делать.

– Нет уж, раз мы с Вами знакомы, ну, пусть пока только через собак, но всё равно знакомы, мы Вас точно отвезём! Заодно и с мамой Вашей хочу поздороваться, я её уже с ранней весны не видела! – решила Вера, не заметив, как родители обменялись мимолётными улыбками.

– погоди! Если это та самая Ася, я ей сейчас кое-что передам! – заторопилась Надежда Потапова. Вернулась быстро, неся пакет, из которого виднелись ветви, покрытые листьями. – Это ежевика. Неколючая ежевика. У Вашей мамы её нет, а она очень хотела завести. Я с ней встречалась только на озере, адрес не знала.

Ася изумилась, когда вместо сына с покупками к её порогу прибыла целая делегация, выслушала рассказ о произошедшем, встревожилась из-за падения, отмахнулась от извинений.

– Ну, знаете, коты могут кого угодно уронить! Я в прошлом месяце была стреножена соседским Эдиком. Он приходит пробовать Арькин корм, нравится ему похрустеть, а тут я... Хорошо успела за перила крылечка схватиться... Ва-

лер, ты как?

– Да нормально, не переживай! – он покосился на Веру, вокруг которой азартно наворачивала круги Арьяка, и ему захотелось, чтобы эта странная девица, так легко болтающая о собаках, осталась на подольше.

– Нет-нет... решил же никаких красоток! – одёрнул он себя. – Одни от них проблемы! Вон и тот пьяный псих, да и вообще!

Что «вообще» он не додумал, потому что Вера начала рассказывать о собаке, которую она сегодня выловила и спасла от этого самого психа, и Валера сильно пожалел, что не был на озере в этот момент.

– Ой, Верочка, ужас-то какой! – заахала Ася, – А что же теперь с собакой будет?

– Хозяев попробуем найти. Мы в прошлом году тоже охотника подобрали – бежал вдоль шоссе, бедняга, все лапы себе стесал. Веймаранер – это такое серое, здоровенное и жутко трогательное.

– И нашелся хозяин? – неожиданно для себя спросил Валерий.

– Нашелся! – Вера так радостно улыбалась, что он и сам почувствовал, как у него улучшается настроение, даже голова поутихла. – Сбежал дурачина за зайцем, и сколько хозяева не бегали и не кричали, найти так и не сумели. Обклеили всё объявлениями, только пёс далеко убежал. Но, к счастью, на нём ошейник остался, а там разумный адресник. Так что с

ним было легко – я позвонила, они приехали буквально через пару часов. Счастья было...

– Верочка, а разумный адресник – это какой? – удивилась Ася.

– Пластинка с номером телефона, – пояснила Вера, – крепится на ошейник.

– А у Арьки есть специальная капсулка с бумажкой внутри.

– Да, есть такие, вот они-то ненадёжные – нижняя часть капсулки часто откручивается сама по себе, бумажка с контактами хозяев выпадает. Так обидно, когда собаку нашел, на ней адресник есть, а контактов-то и нет! Вроде хозяева позаботились, а вот производитель этой фигни подвёл и их, и собаку!

– Ой, как же славно, что ты мне об этом сказала! Завтра же закажу пластинку, я видела такие.

Валерий изумлённо покосился на мелкую Арьку, которая, оказывается, была не просто собакой, а целым пропуском в мир людей, которые знают друг друга не по фамилиям, должностям или адресам, а по собачьим приметам «аааа, это у неё такая курчавенькая коричневая такса» или «знаю-знаю – красивый лабрадор и с ним мужчина».

После отъезда Потаповых Валерий устроился в тенёчке на скамейке и вдруг понял, что встретился с парадоксальным обществом в обществе.

– Жалуются, что соседи друг друга теперь не знают, ага,

как же! Аж в другом посёлке по собакам знакомы! Пароль – собака, отклик – пёс!

Глава 6. Самое главное условие

Когда у живого существа заканчивается надежда, жить становится совсем трудно. Так трудно, что даже у здорового и сытого исчезают силы, что уж говорить о той, которая уже почти месяц бегала по бесконечным, бесчисленным дорогам, стараясь найти ту единственную, по которой она убежала от своего хозяина. Она не помнила, когда последний раз ей удалось сытно поесть, не помнила, сколько раз пришлось спастись от чужих собак, от людей, которые почему-то замахивались на неё всем, что попадало под руки, от ужаса, когда над головой с громким треском распадались небеса, и сверкал невыносимо страшный и грозный свет.

Дома, когда был гром и молния, она бежала к хозяину, и он успокаивал её, рассказывал, что ей нечего бояться, что всё хорошо!

Ну, почему? Почему никто-никто больше не может ей сказать, что всё хорошо, что ей не нужно бояться?

Вперёд её гнала только надежда найти хозяина, почувствовать его руки на своей голове, услышать голос, запах... Наверное, это надежда утонула вместо неё. Там, в той воде, должна была погибнуть и она, Рина, но на дно пошла только её надежда. Тот человек замахивался на неё палкой, отгалкивал от берега, больно ударил по лапам. Наверное, больше нет и никогда не будет в её жизни хозяина, а без него Рине

и жить-то незачем.

Рина только слабо удивилась, когда её подхватили чьи-то руки, когда кто-то закричал на того страшного человека, когда её потянули на глубину – ей уже было всё равно. Правда, завидев берег, она попыталась вырваться, но сил уже не было, и она пошла ко дну.

Когда поняла, что жива, что ей что-то говорят, пытаются подбодрить, стала послушно стараться, но... наверное любые старания сходят на нет, когда надежда потеряна в холодной озёрной глубине.

– Снова хуже стало. Нет, дело не в физиологии, – невесело пожал плечами ветеринар на вопрос Веры, приехавшей с отцом за собакой. – Я уже столько раз это видел – иной раз понимаешь, что это животное не выживет. Ну, невозможно выжить! А зверь зубами за жизнь держится, выкарабкивается через невозможное, через все наши прогнозы, наши знания, анализы, УЗИ, рентгены и КТ. Выживает, потому что знает, ради чего борется, потому что его держит нечто большее, чем наши возможности, лекарства, вся наша проклятая техника! – врач безнадёжно махнул рукой на какой-то зачехленный аппарат. – Да вы и сами знаете всё, кому я рассказываю! Так вот... ей, – он кивнул головой на угол, где лежала привезенная утром собака, – ей, видимо, незачем жить, она... она сдаётся.

Вера действительно знала, о чём говорит врач. Её первая любимая самая-самая собака выживала именно так – только

чтобы не уходить раньше времени от неё, Веры. Вытаскивала себя и оставалась рядом. Только вот... она всегда знала, что Вера с ней, а если... если никого рядом нет? Если даже надежда потерялась, тогда что?

Полковник покосился на дочь, и, подхватив под локоть расстроенного врача, вывел его в коридор. И дверь прикрыл.

– Спасибо, пап! – Вера услышала, как закрылась дверь и шагнула к собаке, безнадежно уставившейся в стену. Времени было совсем немного – много ли его нужно, чтобы организм, обессиленный стрессом, голодом, бесконечными усилиями добежать, рвавшими сухожилия, не выдержал, добитый пустотой безнадёжья...

Вера опустила на колени рядом с собакой, начала гладить её и говорить.

– Я знаю, что ты думаешь... Что ты никому не нужна, что всё плохо и никогда не станет хорошо, что ты пропала, потерялась и больше не найдёшься? Так вот, это неправда! Послушай меня, я не знаю, откуда ты и что случилось в твоей жизни, но не брошу тебя! Слышишь! Ты нужна мне, нужна нам! Если это будет возможно, мы отыщем твоих прежних хозяев, и ты вернёшься домой! А если не получится, то... то ты всё равно вернёшься! Потому что твой дом будет ждать тебя у нас! Дом настоящий! Ты не думай! Мы не предаём и не обманываем, слышишь? Я не для того сдержалась, чтобы не прибить этого гада-Макса. Да, того, кто тебя обижал, чтобы ты тонула в безнадёге! Мне знаешь, как трудно было?

Даже знаю, что именно с ним за тебя сделала бы, но, если честно, плевать я на него хотела, потому что ты – важнее! Понимаешь? Ты вот что, думаешь, что ты одна потерялась? Нет, конечно! Вот слушай! В прошлом году...

Вера вытирала слёзы, но рассказывала собаке о том сером чудике, который вернулся к хозяевам, о том, сколько радости было! Рассказывала об овчарке, найденной отцом в лесу, которая пробежала немыслимое расстояние, полностью заплутав. – Её хозяйка искала собаку в своей области, а эта дурёшка аж в Подмосковьё примчалась! И то нашлась! А ты тут что? Умирать решила? Вот ещё какие глупости! А ну-ка давай, приходи в себя, слышишь? Не смей сдаваться! В любом случае, у тебя уже есть я и моя семья, а она у нас большая и забавная!

Рина невольно прислушивалась... Ей вообще-то всё равно было, но девушка говорила так, что отгородиться от неё, уйти прочь было как-то сложновато. А потом... потом были же они – слова! Они оказались совсем не такими, к которым Рина привыкла за последнее время – «пошла вон», «счас как вдарю», «убирайся», «какая-то здоровенная бродячая собака, ещё укусит», «да она, небось, больная, не подходи к ней», «ну, куда нам такая». Эти слова били как камень или метко брошенная палка. А вот девушка говорила совсем не так:

– Ты живи, пожалуйста! Ну, почему мы не можем передавать вам силы?! Я бы так хотела!

– Как же не можете? – внезапно удивилась Рина. – Ещё

как можете! Ты же мне их даёшь!

Слова человека могут так много... гораздо больше, чем мы думаем, так легко их выговаривая.

Рина видела их – слова этой девушки. Наверное, к её приходу она ослабела совсем, поэтому и слова стали не просто набором звуков, несущих какой-то смысл, а теплом, светом, и... надеждой. Той самой, которой так не хватало большой, тощей, измученной собаке.

Слова ложились на пятнистую шкуру, впитывались всем телом, проникали в сосуды, заставляя работать сердце, а оно, глупое, вдруг так обрадовалось чему-то, что поспешило, заколотилось, забилося как тогда, когда Рину звал её главный, самый-самый нужный человек.

– Да, его тут нет, но вот эта... она меня зовёт, она обещает, и я знаю, что это правда! Я могу ей верить и... надеяться! Может, моя дорога всё-таки вернёт меня к моему Владу! Он же расстроится, если совсем меня не найдёт! А если он уже так же расстроен как я, если ему так же плохо без меня? Мне нужно вставать! Вставать и идти. Пока с ней, а потом... потом я буду очень надеяться! Я так рада, что я снова могу надеяться! Что я нужна, а значит, жива!

Вера ощутила движение под рукой, посмотрела на собаку и выдохнула.

Не было больше тусклых уставившихся в одну точку глаз, нет, взгляд стал живым и осмысленным.

– Хорошая моя, солнышко моё! Ты... ты всё-таки меня

услышала?

– Конечно, я тебя услышала. Мы всегда слышим и если только можем, если можем остаться, если только не ушли слишком далеко – всегда идём, – большущая худая лапа легла на руку Веры, а потом за ней последовала и морда. – Ты же меня звала, да?

– Да, да, моя хорошая! Я тебя звала! Ты моя умница!

Полковник не очень-то удивился, увидев заплаканную Веру, которая появилась на пороге, решительно обратившись к ветеринару, – Мы собираемся домой!

В распахнувшейся за ней двери была отчётливо видна собака, которая явно пыталась встать и идти за Верой.

– Ну, вот, о чём я говорил? Когда они хотят жить, ветеринария бессильна! – счастливо разулыбался врач. – Она захотела...

Михаил Иванович косился в зеркало заднего вида на дочку, которая на заднем сидении наглаживала собаку.

– Счастье, что она у нас именно такая! Не знаю, как бы мы жили, если бы получилась пустая финтифлюшка... Надо же, вытянула! Ну, ещё бы! Сколько она свою первую Чару жить уговаривала, и ведь дотянула до глубокой собачьей старости, а нам говорили: «Усыпите, не выживет!» Эээх, так ведь и за людей можно не бороться. Да ведь и не борются за многих, – он вспомнил о нескольких таких примерах из круга сослуживцев, да и просто знакомых, которые оказались не нужны и обессилены этим, почти добыты.

– И ведь надо не так уж и много – выслушай ты человека, ему уже легче. А то так ведь недалеко и коллективно до американской мечты докатиться – всё ол райт, улыбка на тридцать два пластмассовых зуба и подальше от чужих проблем, а то ещё заразишься сочувствием, не ровен час. А за него денег не дают... время-то потратится, а время – деньги, то есть сплошной убыток! Тьфу! – полковник сердито фыркнул в ответ на собственные мысли.

– Пап, я тебя люблю! – с заднего сидения протянулась рука дочери и погладила по плечу, словно смахнув все его невежливые раздумья.

– И я тебя! – откликнулся Потапов уже совсем с другим настроением. – Ну, о чём вы там с ней договорились?

– Я рассмотрела клеймо... Вполне читабельное. Доедем, буду искать клуб и через него контакты, – решительно ответила Вера.

– Сначала её надо с нашими гавриками познакомить! – напомнил Потапов.

– Само собой! – весело откликнулась Вера. – Главное-то что? Главное, Шарика задобрить! Я маме позвонила, что мы едем, и она уже готовит питательную базу для этого.

Бук и Тополь были псами нормальными, правильными и воспитанными. Ни один такой пёс не обидит суку или щенка. А вот познакомиться – с удовольствием.

– Ой, какая... – завилал недлинным хвостом Бук.

– Ага... пятнистая такая... красивая! – у ротвейлера Топа

хвоста, можно сказать, и вовсе не было, поэтому он вилял всей задней частью тела.

Рина была совсем слабенькой, поэтому Потапов вынес её из машины и поставил перед домом, давая Топу и Буку познакомиться, а потом унёс собаку в дом, где жена уже приготовила ей лежанку.

– А где наш главкот?

– Оне в отлучке, обещались скоро быть, – отчиталась Надя, поглаживая новенькую. – Как мы её назовём? Я очень надеюсь, что найдётся её хозяин, но пока идут поиски, как-то величать её нужно.

– В клинике Петрович записал Офелией Потаповой, шутник, однако. Но мне кажется, что ей это имя не нравится... тоскливо как-то от него, а ей бы бодренькое что-нибудь! – решил Потапов.

Вера дозвонилась до своей знакомой, которая могла помочь в расшифровке клейма.

– Вер, зачем тебе это? Ты что, всерьёз думаешь отдавать собаку какому-то живодёру? – Света всегда славилась категоричностью суждений.

– Свет, да почему живодёру-то?

– Ну, а если он её выкинул? И потом, ты говоришь, что она истощена – голодом морил?

– Свет, притормози. Собаки иногда убегают, и их ищут изо всех сил... А про истощение, так сколько она бегала? Если несколько недель, то и не так отощать можно. Ты же

помнишь, как в прошлом году...

– Я до сих пор не уверена, что ты сделала правильно! А если тот у тех горе-хозяев опять сбежит? А если уже сбежал?

– Светааа, притормози! Мне фото его шлют постоянно. Мы же общаемся теперь. Они на всякий случай пса чипировали и следят за ним как коршуны.

– Ну, не знаю...

– Свет, так нельзя! Одно дело, если хозяева жестоко обращаются с животными, а другое...

– Раз у них собака сбежала, значит, хозяева плохие! – безапелляционно заявила приятельница.

– Да ну... а если вывернулась из ошейника, а если на прогулке на даче рванула за птицей или зайцем, а если карабин поводка лопнул?

– Вера, собак нельзя отпускать с поводка нигде! Вывернулся? Плохой ошейник подобрали! – надо было предусмотреть, карабин... Вер, ты издеваешься? Такого не бывает!

– Почему не бывает? У меня же было. Вот с Буком так было. Ну, хорошо, что он до автоматизма послушен, но ситуации могут быть всякими, и лишать собаку хозяина, а человека его собаки, возможно очень любимой и без которой человеку плохо, знаешь, так нельзя!

– А если эта собака опять на улице окажется? И погибнет из-за такой добренькой растетёхи как ты? – рассердилась Света.

– Свет, помнишь, я тебе рассказывала про домашний при-

ют, которому родители помогали? Там у женщины было около шестидесяти кошек. Нет, она их не плодила, не фыркай, просто ей добрые соседи и их знакомые тянули всех, под дверь подкидывали, на окно ставили коробки с котятами – она на первом этаже жила. И она брала. Плакала, ругалась, за сердце хваталась, но брала – куда деваться-то, иначе им не выжить. Только вот она их потом не пристраивала.

– Почему?

– Да потому же, что и ты против возвращения собак! Она столько видела жестокости у людей, столько спасала после этой жестокости... а там что только не было: и кипятком обожжённые, и порезанные, и без лап... Вот и уверилась, что все вокруг плохие, нельзя никому доверять, и доверить кота или кошку, не говоря уж о котятах, – нельзя. Животным было не очень-то хорошо – скученность огромная. Да недостатка в еде не было – ей помогали корм покупать, но кроме корма... Короче, насилу её убедили начать пристраивать. Да, с контролем, с договором, с отслеживанием жизни. Ненавязчивым, разумеется. Знаешь, это не метод – решить, что хорошая только ты, только тебе можно держать животных, а все остальные – звери зверские. И да, кстати, сколько на твоих собаках ошейников?

– Как сколько? – Света, ошарашенная неожиданной атакой обычно спокойной Веры и странным вопросом, даже переспросила, – Сколько? Ну, один, конечно.

– Всё, ты в проигрыше! Если уж ты так в себе уверена,

то надо надевать два! Один – с адресником, второй – на который цепляется поводок. Я вот совсем недавно в Москве помогла искать собаку, хозяйка которой металась с толстенным поводком, отличным кожаным ошейником и адресником. Только вот ошейник был пустым! В дождь подрастала кожа, может, на пару миллиметров, но псу хватило – вывернулся и рванул за сукой. Вот таким «бегунам» рекомендуют надевать второй ошейник. Пусть тоненький, но со страховочным адресником. Теперь на этом бегуне так два ошейника и красуются. Хозяйка сразу же помчалась и купила второй.

Света открыла было рот, чтобы заявить, что это всё-таки плохая хозяйка, раз пса не кастрировала, но прикусила язык – вспомнила, что у неё тоже есть такой деятель, и тоже некастрированный, обожающий делать попытки избавиться от ошейника.

– Ну, ладно, ладно... ты меня уела, – примирительно выдохнула она. – Диктуй номер, я проверю клеймо.

Вера только хмыкнула. Хороший Светка человек. Горячится, заводится с полпинка, но всё равно хорошая.

Светка уж если чего делала – делала на совесть.

Через сорок минут она позвонила. – Я того... ну, короче, нашла хозяина. Влад его зовут, пиши номер телефона. Походу, ты была права! Он, везде где только можно объявления разместил о потере собаки. Кличка – Рина. Тьфу на тебя, Верка. Вот как с тобой пообщаюсь, прямо вся размягчаюсь, как

масло!

– Спасибо тебе! Ну, тьфу и ладно, тьфукай сколько хочешь, я же тебя уже сколько времени знаю, ураган ты в миниатюре... – рассмеялась обрадованная Вера.

Она вышла из комнаты и наткнулась на крайне возмущенного Шарика, машинально зажёвывающего всякие лакомства, которые ему подали для смягчения эффекта «главкот пришёл домой, а тут ОПЯТЬ кто-то».

– Шарик, ты чего надулся как... как шар? Это – Рина! Она у нас ненадолго, я нашла её хозяина.

Собака, которая потеряла всё, и даже имя, подняла голову и уставилась на Веру.

– Да, Рина, я нашла и твоё имя, и твоего человека. Он тебя очень ищет!

Вера набрала номер, продиктованный ей Светланой, поздоровалась и спросила:

– А Вы собаку, случайно не теряли? Пойнтер.

Вопль раздавшийся по тут сторону связи услышала даже Рина, которая, шатаясь, встала и пошла к Вере. Да так пошла, что даже в блюдо Шарика стала, не обратив на это ни малейшего внимания.

– Рина! Вы нашли Рину! Где она? Она жива? В каком она состоянии? Как до Вас добраться?

– А вот хорошо, что я запись разговора включила! – машинально подумала Вера. – Светке отошло. Пусть знает, каково это, когда возвращаешь счастье.

Глава 7. Незнакомая жена

Влад с трудом пережил эти пять недель своей жизни... Да, для кого-то потеря собаки – ерунда. Ну, подумаешь – сбежала, и ладно. Но только не для него! При одной мысли о Ринке, которая где-то бежит голодная, испуганная, ищет его... А может, подошла к кому-то, и её ударили, обидели или просто испугали – у него сердце переворачивалось! Влад обклеил объявлениями все столбы и деревья в округе, разместил где только можно в интернете, каждый день, как только оказывался на даче, объезжал окрестности и звал её, понимая, что шансов очень мало – Ринка всегда была очень быстрой, стремительной, и если уж убежала, сейчас может быть где угодно!

Только вот опустить руки, не делать ничего он не мог!

– Слушай, ну, сколько ты ещё будешь дурью маяться, а? – через неделю его метаний раздраженно уточнила жена. – Поискал, повеселил соседей, да и хватит!

– Зай, ты что? – удивился Влад. – Что значит «хватит»?

– Да то и значит! – резко отозвалась Милана. – Ты похож на сумасшедшего папашу, который бегает деточку ищет! Смешно уже. Я давно хотела тебе сказать, что ты с этой псиной ведёшь себя ненормально! Один комбинезон чего стоил!

Да, комбез для Рины он заказывал в специальном собачьем ателье – не особо-то большой был выбор готовых оде-

жек на пойнтеров, а неожиданно серьёзные морозы, приключившиеся прошлой зимой, Влада как-то напрягали. Нет, на даче комбез был не нужен – Рина носилась как метеор и замерзать не успевала, но в городе так не побегать, а гулять с ней надо было долго. Так что покупка одежды для Риной, которая не могла похвастаться особым подшёрстком, была вполне разумной. Он был в этом уверен. Он, но не жена.

– Мила, ты чего? – изумился Влад.

– Ты со своей собакой совсем с ума сошел! Только и слышно – Рина-Рина-Рина. Тетешкался с ней, как с ребёнком!

– Так мы же вместе её выбрали, и породу твой отец посоветовал.

– Ну, и посоветовал, что ему? Он на охоту ходит. Только он так со своими двумя псами не носится, как ты! Мне вообще казалось в последнее время, что ты её любишь больше, чем меня! – Милана обиженно надула губы. Её совершенно не трогала угловатая щенячья неуклюжесть голенастой Риной, умилявшая Влада, не интересовал её характер, навыки, которыми так гордился муж. Нет, выбрасывать собаку она, конечно, не стала бы, но вот трястись над ней так, да ещё переживать... Глупости какие!

Поведение Влада, который места себе не находил из-за пропажи Риной, Милану сильно раздражало. Пожалуй... пожалуй она даже ревновала к собаке, как это ни смешно.

Ну, конечно! Какая же молодая и красивая девушка потерпит такое – она готовит романтический ужин, надевает

красивую одежду, накрывает стол, зажигает свечи и ждёт мужа с прогулки... Ждёт и ждёт, а когда он появляется со своей собакой, испачканный до бровей и счастливый, то вместо того, чтобы обратить внимание на её внешность и впасть в восторг, он начинает захлёб рассказывать Милане о том, какая у них Рина умница! Как хорошо и правильно себя вела, выучила какую-то команду, и вообще, жаль, что её с ними на прогулке не было – она многое пропустила!

Когда дурацкая псина рванула за какой-то птицей и не вернулась, Милана некоторое время поискала её вместе с мужем, а потом сообразила, что теперь-то никто не будет ей мешать, не будет отвлекать внимание Влада!

– Владик, пора смириться... она пропала и всё, больше не вернётся! Ну, что ты так расстроился? Надо посмотреть реальности в лицо! У отца уже двое так убежали – охотничьи вообще без царя в голове – мозгов нет, одна охота на уме. И что, убиваться ему? Он просто новых собак завёл, но он-то охотник, а тебе это зачем? Давай, мы не будем больше никого заводить, а? Смотри... теперь-то гулять по два-три часа в день не надо!

Влад изумлённо уставился на жену. Нет, то, что Милана с собакой никогда особо не возилась, он видел, конечно – не заметить это было сложно. Да и сама Рина относилась к жене ровно. Дружелюбно, но ровно. А с другой стороны, как можно ещё относиться к человеку, который постоянно кричит что-то вроде: – «Не подходи, я буду вся в шерсти!», «Не

лезь, колготки порвёшь», «Не суйся, испачкаешь»?

– Ну, что ты так смотришь? Будем жить, как жили. Забудь ты, что она была! Лучше вспомни, как нам с тобой здорово было без собаки этой дурацкой!

Странно, когда человек, которого ты знаешь уже несколько лет, да мало того, что просто знаешь – женат, однако, вдруг оказывается совсем... незнакомым. Чужим? Да, пожалуй, что так.

Влад молча ушел в комнату, Милана – за ним, убеждая, уговаривая его в том, что он ведёт себя по-детски, глупо! Да, просто безответственно, в конце-то концов!

– Ты забросил меня, не обращаешь внимание, последнее время был занят только своей псиной дурацкой! Не люблю её? А с чего мне её любить? Я тебя люблю! А ты всё с ней уси-пуси разводишь! Какая ещё английская поговорка? Любишь меня, люби и мою собаку? Влад, хватит дурью маяться! Ты что, опять собираешься ходить и её искать? Влад остановись! Хорошо, ладно, я согласна даже на ребёнка! Ты меня слышишь?

Влад слышал, ещё бы! Он все пять лет, пока они были в браке, уговаривал Милану завести ребёнка. А что? Жену он привёл в хорошую квартиру, подаренную его родителями к окончанию университета, родительская дача в полном их распоряжении, так что места им хватит, денег тоже – он прилично зарабатывает. Но Милане хотелось пожить для себя.

Нет, он понимал... Поездить, где хочется, сорваться в вы-

ходной по настроению... Купить что-то без особого напряжения. Поест в кафе или ресторанчике. С ребёнком так легко и ненапряжно жить не выйдет – всё-таки надо учитывать его нужды.

– Милый, ну нам же так хорошо... зачем нам ещё кто-то? – ворковала все эти годы Милана. И он послушно соглашался. Всё-таки, как ни крути, это на неё лягут основные трудности с ребёнком. Жена говорила, что нужно подождать, и он ждал. Правда, щенка она и сама хотела – с удовольствием ворковала над маленькой Риной, но как только заметила, что Влад собаку любит, сразу же стала раздражаться... Так может... может, это такая ревность? Всё внимание только ей и никому больше? Влад моментально вспомнил и то, как она резко реагировала на его родителей. И ничего плохого они не делали – не являлись незванными гостями, не лезли в их семью, не диктовали, как им жить и что делать – не было ничего подобного. Но как только Милана видела, что Влад радуется им, её раздражение прямо-таки заполняло всё вокруг, как весеннее половодье.

– Владиииик! Ну, всё, забудь о своей дурацкой псине! – затеребила его Милана, решив, что глубокая задумчивость мужа связана с надеждами на ребёнка.

Вот дурачок! Конечно, не собиралась она рожать – фигура портится, эндокринология может захромать, зубы, ногти, волосы... Зачем ей это? Нет-нет... правда, мужу об этом знать вовсе не обязательно! Сказать-то она может что угод-

но, а вот дальше – это только ей решать, что делать со своим телом. – Владичек, милый, брось ты эти глупости! Да она уже, небось, сдохла где-нибудь, а ты всё переживаешь, сердце себе рвёшь! – заботливо произнесла Милана.

Влад ошалело уставился на жену.

– Я вот сейчас подумал... У тебя что, совсем сердца нет?

– Почему это нет? Есть, конечно! – удивилась Милана, узрев мужа у входной двери. – Ты что, всё мимо ушей пропустил? Не смей, не смей уходить её искать! Если сейчас пойдёшь.. если только попрёшься искать эту свою собаку, я сама от тебя уйду!

– Хорошо! Я согласен! – слова мужа дошли до Миланы как-то не сразу. Он и дверь успел закрыть, и даже ворота открыл, чтобы машину вывести, а Милана всё стояла и хлопала глазами, не веря тому, что услышала.

Как это? Из-за чего? Из-за дурацкой псины? Из-за того, что она потребовала бросить её поиски? Но... но ведь это глупо! Милана покосилась на себя в зеркало и ухмыльнулась.

– Неее, таких, как я не бросают! Это он просто пошутил, ну, или разозлился, но это не страшно! Посердится, перебежится и приползёт как миленький!

– Владик, родной, а ты не погорячился? – переживала мама, когда сын внезапно приехал с дачи к ним домой. – Ну, не все же собак любят...

– Мам, да до меня внезапно дошло, что она вообще никого

кроме себя не любит. Всё внимание должно быть её и только на неё. Когда всё так, ей хорошо, а если я начинаю хоть на кого-то отвлекаться – всё, тушите фонари. Она тут даже ребёнка согласилась родить, но я как подумаю, что она и к малышу так ревновать будет, мне аж нехорошо становится. А потом... должна же быть у женщины хоть какая-то жалость! Ну, она же Ринку со щенка знает. Сама с ней возилась, тешкалась, играла, купала. А сейчас, спокойно так: «Да она уже, небось, сдохла где-нибудь! Не смей от меня уходить её искать».

– Мда... – отец Влада невестку недолюбливал – подозревал, что за красивым фасадом живёт одна пустота. Правда, ничего сыну не говорил – сам взрослый, разберётся как-нибудь. С одной стороны было приятно, что сын разобрался, а с другой – обидно, что так вышло, что не повезло ему так, как им с его матерью.

– А может... может, оно и к лучшему – уж если ты так увидел, да решил, то, и правда, разумнее развестись до того, как ты будешь привязан к ней накрепко! А Ринку надо искать. Мало ли как бывает, вдруг попадётся на хороших людей, которые помогут ей к тебе вернуться!

Влад в тот вечер остался у родителей, а потом ошарашил Милану, вернувшуюся в Москву, известием о том, что он решил разводиться...

– Ты что? Ты с ума сошел? Да! Точно сбрендил из-за своей шавки! Да я... Да я тебя любила, никого к себе не под-

пускала! А ты вот так, да? Да меня твой лучший друг звал замуж, а ты! Ну, ладно же... Ты ещё пожалеешь!

Влад про друга не поверил. Сначала. А потом, когда через час за Миланой, судорожно собирающей свои вещи и ругающей его на все корки, действительно приехал его лучший друг, понял, что ему, и правда, сильно повезло!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.